

И. В. Помяловский

**Марк Теренций Варрон
Реатинский и Мениппова
сатура**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

И. В. Помяловский

Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова сатура / И. В. Помяловский –
М.: Книга по Требованию, 2011. – 316 с.

ISBN 978-5-458-01032-0

ISBN 978-5-458-01032-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о литературной дѣятельности Варрона, знаменитаго полигистора древности, съ недавняго времени возбудилъ особенное вниманіе Западныхъ ученыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, при той возбужденной дѣятельности, которую Западная наука прилагаетъ къ разработкѣ явленій древняго міра вообще и Римской старины въ частности, странно было бы видѣть невниманіе къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ явленій Римской духовной жизни конца республики. Но, при всемъ своемъ интересѣ, вопросъ о Варронѣ и его произведеніяхъ представляетъ громадныя, нерѣдко совершенно непреодолимыя трудности. Эти трудности частью зависятъ отъ количества, частью отъ качества матеріала. 1-ое, что останавливаетъ изслѣдователя, приступающаго къ занятію Варроновскимъ вопросомъ—это крайняя скудость остатковъ изъ его сочиненій, въ сравненіи съ тѣмъ, что, по единогласному свидѣтельству древности, оставилъ послѣ себя этотъ въ высшій степени трудолюбивый и плодовитый писатель. Съ другой стороны, самые отрывки, сообщаемые большею частію писателями позднѣйшими, особенно грамматиками,—которые искали въ нихъ интереса чисто словарнаго,—помимо ненадежности дипломатическаго преданія, нерѣдко до такой степени коротки, что не представляютъ никакаго смысла. Затѣмъ, есть весьма много

фрагментовъ, которые, хотя заимствованы изъ Варрона, но неизвѣстно—изъ какаго его сочиненія ¹⁾). Таковъ матеріалъ для опредѣленія и характеристики литературной дѣятельности Варрона; кромѣ своей незначительности, онъ представляетъ не мало затрудненій и при своемъ собираніи; желающему ознакомиться съ нимъ, хотя бы лишь поверхностно, приходится имѣть дѣло съ огромнымъ количествомъ писателей самаго разнообразнаго свойства; поэты, историки, грамматики, Христіанскіе отцы церкви, средневѣковые компиляторы—должны быть тщательно пересмотрѣны, не по индексамъ, какъ это нерѣдко бываетъ, но въ самихъ ихъ сочиненіяхъ, потому что кому не безъизвѣстно, какъ составлялись прежде, и нерѣдко составляются теперь указатели къ древнимъ авторамъ?—этою трудностью собиранія отрывковъ Варрона и объясняется, между прочимъ, то явленіе, что доселѣ мы не имѣемъ ни одного, хоть сколько нибудь удовлетворительнаго собранія фрагментовъ нашего писателя; прежде, начатое еще въ XVI в. Авзоніемъ Попмою и пересмотрѣнное и дополненное Бипонтинами, остается единственнымъ, до сихъ поръ ничѣмъ лучшимъ не замѣненнымъ.—Таковъ матеріалъ. Но какъ же его разработывали и продолжаютъ разработывать на Западѣ? Какіе вопросы можно приложить къ нему съ надеждою получить хоть сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ?—Въ ходѣ нашего труда мы неоднократно будемъ имѣть случай говорить обстоятельнѣе объ этомъ предметѣ; здѣсь же ограничимся только слѣдующими заявленіями:

1) Методъ, съ которымъ приступила Западная наука къ разработкѣ нашего вопроса—методъ конъектуральный (относительно текста) и субъективный (относительно комбинаціи отрывковъ) несостоятеленъ, и не можетъ привести ни къ какимъ точнымъ результатамъ. Предположеніе должно имѣть мѣсто и значеніе лишь тогда, когда оно находится въ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. стр. 43.

выводъ, сдѣланномъ изъ матеріала т. с. осязательнаго, провѣреннаго критически; когда же оно само возводится на степень матеріала, то, естественно, можетъ дать только призрачные, ни на чемъ твердомъ не основанные выводы.

2) Вопросы, которые думаетъ разрѣшить Западная наука относительно Варрона и его литературной дѣятельности, на основаніи имѣющагося матеріала, слишкомъ широки, и никакъ не сообразны съ данными, которыя мы имѣемъ для ихъ рѣшенія. Думаютъ, что возможна характеристика литературной дѣятельности Варрона, что возможно узнать въ подробности отношеніе его трудовъ къ трудамъ предъидущимъ и т. п.—на основаніи чего же? на основаніи небольшого (сравнительно) количества фрагментовъ, составляющаго незначительную долю того, что утрачено.

3) Самое собраніе отрывковъ и ихъ критическую обработку Западная наука не ведетъ съ надлежащей осмотрительностью и осторожностью.—Не довольствуясь собираніемъ и сопоставленіемъ отрывковъ, положительно переданныхъ древностью съ именемъ Варрона, ученые стараются извлечь изъ сочиненій писателей позднѣйшихъ и такіе отрывки, которые, не нося имени Варрона, но представляя или сходство съ нѣкоторыми другими его отрывками, или поражая своею ученостью, невстрѣчаемою у позднѣйшихъ компиляторовъ, кажутся заимствованными изъ сочиненій знаменитаго полигистора.—Какъ шатокъ и не состоятеленъ такой пріемъ, видно съ перваго раза. Уже не говоря о томъ, что сходство мыслей или даже выраженій не доказываетъ ровно ничего (ибо развѣ нельзя его объяснить заимствованіемъ изъ одного общаго источника?), что мы выигрываемъ отъ такого произвольнаго выдергиванія отрывковъ? Неужели изъ нихъ можно допустить какіе нибудь выводы?

Но что же сдѣлала Западная наука для нашего вопроса, помимо шаткости и неубѣдительности метода изслѣдованія? Заслуги ученыхъ, занимавшихся Варроновскими изслѣдованіями, безспорно велики относительно сбора матеріала, мѣткихъ сопоставленій, выказывающихъ огромную доктрину,

и отчасти относительно выводов—но только въ трудахъ немногихъ ученыхъ, и то отчасти.

Съ какимъ же матеріаломъ и методомъ приступили мы къ нашему изслѣдованію? Въ своей задачѣ, не имѣя цѣлю, посредствомъ новыхъ комбинацій и выводовъ, основанныхъ на предположеніяхъ, выяснить нѣкоторые изъ множества темныхъ и нерѣдко неразрѣшимыхъ вопросовъ, но стремясь поставить свои изслѣдованія на почву, сравнительно болѣе твердую, мы, уже по этому самому, не могли удовольствоваться не полнымъ и небрежнымъ относительно текста, собраніемъ фрагментовъ Варрона, сдѣланнымъ Бипонтинцами; мы сами пересмотрѣли, по возможности, большую часть писателей, пользовавшихся сочиненіями знаменитаго полигистора; само собою разумѣется, что при этомъ пересмотрѣ мы могли пропустить нѣкоторыхъ авторовъ, могущихъ дать новые отрывки Варрона—особенно авторовъ времени позднѣйшаго, равно какъ могли проглядѣть и въ пересмотрѣнныхъ нами писателяхъ не мало, можетъ быть, даже важныхъ отрывковъ. Но, съ одной стороны—громадность задачи, врядъ ли могущей быть по силамъ одному лицу, съ другой же—ограниченность времени, даннаго для срочной работы, позволяютъ автору надѣяться, что эти недосмотры, возможные при каждомъ трудѣ, не будутъ ему сочтены въ вину, тѣмъ болѣе, что онъ свой трудъ не имѣетъ претензіи считать за окончательное слово въ данномъ вопросѣ; онъ на него смотритъ, какъ на предварительную общую работу, изъ которой, впоследствии, могутъ являться другія, болѣе спеціальныя. Окончательнымъ свой трудъ авторъ не можетъ считать уже и потому, что, будучи поставленъ мѣстными условіями въ необходимость ограничиваться печатными текстами экскерпированныхъ имъ писателей, онъ не могъ представить текстъ фрагментовъ въ томъ видѣ, какой онъ долженъ имѣть, при приложеніи къ нему требованій разумно-консервативной критики дипломатическаго преданія. — Недостатокъ провѣрки текста на основаніи точнаго сличенія рукописей особенно чувствителенъ въ послѣднемъ

отдѣлъ нашего труда. Сообразно своей задачѣ — рассмотреть литературную дѣятельность Марка Варрона — авторъ долженъ былъ раздѣлить свой трудъ, главнымъ образомъ, на два отдѣла, изъ которыхъ первый разсматривалъ бы біографію писателя, а второй — собственно его литературную дѣятельность. При разработкѣ втораго отдѣла мы увидѣли необходимость ограничиться лишь общимъ переборомъ свидѣтельствъ древности о т. с. внѣшней сторонѣ литературной дѣятельности Варрона; но, желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить и посильный опытъ специальной разработки какаго нибудь отдѣла этой дѣятельности, мы остановились на произведеніяхъ поэтическихъ, изъ которыхъ самое главное мѣсто занимаетъ Мениппова сатура. Этотъ отдѣлъ выбранъ нами, преимущественно передъ другими, потому, что въ его разработкѣ шаткость метода, приложеннаго Западной наукой, видна яснѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ отдѣлѣ. — Не смотря на сравнительно значительное количество сочиненій, посвященныхъ въ послѣднее время разработкѣ Мениппей, ни одно изъ нихъ не свободно отъ произвольнаго обращенія съ разрабатываемымъ матеріаломъ. — Въ послѣдней главѣ нашего труда мы имѣли цѣлію ближе ознакомить читателя съ тѣми приемами, которыми руководятся ученые при изслѣдованіяхъ о видѣ и составѣ Менипповой сатуры. — Въ цѣломъ своемъ объемѣ эта глава должна была заключать, кромѣ розысканій о т. н. *genus Menippeum* и о содержаніи сатуръ Варрона, изслѣдованія объ ихъ внѣшней формѣ и критически установленный текстъ отрывковъ. Но, при дальнѣйшихъ занятіяхъ, мы увидѣли необходимость ограничиться лишь первымъ отдѣломъ — т. е. частью историко-литературной. Причины этому суть слѣдующія: уже не говоря объ отсутствіи возможности пользоваться рукописями непосредственно, мы не могли положиться и на сдѣланныя другими учеными колляціи главныхъ изъ нихъ, потому, что видѣли ясно ихъ неполноту и даже неудовлетворительность; это видно нпр. изъ сличенія вариантовъ Вольффенбюттельскаго

кодекса Нонія (W), приведенныхъ въ изданіи Базельскомъ— Герлаха и Рота, съ колыціей этого же кодекса, сдѣланной Кейлемъ, и которою пользовался Ризе. Необходимость же самостоятельнаго занятія рукописями мы увидѣли изъ того, что убѣдились, при изученіи отношеній къ тексту Западныхъ ученыхъ, единогласно держащихся въ данномъ вопросѣ требованій т. н. конъектуральной критики текста, въ шаткости и, мѣстами, несостоятельности этого конъектурального метода, нерѣдко совершенно отвергающаго единогласно установленное рукописное преданіе. Въ нашемъ вопросѣ отважность конъектуры увеличивается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: большинство отрывковъ изъ Мениппей носить несомнѣнные слѣды метрической формы, рѣзко проглядывающіе сквозь, нерѣдко, весьма испорченное рукописное чтеніе. Изъ желанія возстановить эту метрическую оболочку, критики прибѣгаютъ къ самымъ насильственнымъ перемѣнамъ въ текстѣ: перестановкамъ, выпускамъ, измѣненіямъ, вставкамъ и т. д. Особенно рѣзко видна недостаточность конъектуральной критики въ трудахъ Репера. Этотъ ученый—одинъ изъ ревностѣйшихъ приверженцевъ мнѣнія, признающаго въ сатурахъ Варрона исключительное присутствіе стихотворной рѣчи. Основывая свои соображенія на произвольномъ толкованіи мѣстъ Квинтилиана и Проба, упоминающихъ вскользь о формѣ Мениппей, онъ приступилъ къ критикѣ отрывковъ, вмѣщая ихъ самымъ насильственнымъ образомъ въ метрическую форму, преимущественно — ямбы, къ которымъ, по мѣткому замѣчанію Цицерона, весьма близко подходитъ рѣчь прозаическая. Но какъ, при подобной критикѣ текста, великъ произволь, доказалъ самъ же Реперъ, который нерѣдко одинъ и тотъ же отрывокъ облачаетъ въ 3 различныя стихотворныя формы, не зная, которой изъ нихъ отдать преимущество. Впрочемъ, отъ подобной же смѣлости не свободны даже и самые сравнительно, консервативные критики: Бюхлеръ и Ризе. Недостаточность рукописныхъ колыцій и слишкомъ широкое приложеніе конъектуральной критики текста привели насъ

къ сознанию необходимости собственныхъ занятій надъ рукописями; но, такъ какъ это, при настоящемъ положеніи, для насъ невозможно, то мы и опустили на время вторую, и, по нашему мнѣнію, самую важную часть нашего изслѣдованія. — Само собою разумѣется, что въ связи съ критикой текста должно стоять и лингвистическое его изслѣдованіе, равно какъ и близко соединенное съ нимъ метрическое. Мы вполне убѣждены, что, при тщательномъ занятіи рукописнымъ преданіемъ, можно прийти къ важнымъ результатамъ въ области древней лексикографіи, грамматики и метрики.

Будучи принуждены ограничиться лишь литературно-историческимъ изслѣдованіемъ Мениппей, мы выбрали текстъ отрывковъ, установленный въ послѣднемъ по времени, и самомъ лучшемъ изданіи Ризе. Впрочемъ, тамъ, гдѣ онъ уклоняется отъ манускриптовъ, мы отмѣчали ихъ чтеніе, выбирая преимущественно варьянты кодексовъ Вольффенбюттельскаго (W) и Лейденскаго (L). Въ первомъ отдѣлѣ 3-й главы, мы остановились съ большею подробностью на слѣдующихъ пунктахъ: Послѣ краткаго обзорѣнія источниковъ, изъ которыхъ почерпаемъ мы фрагменты сатуръ, мы остановились нѣсколько обстоятельнѣе на жизни и сочиненіяхъ Мениппа; вслѣдъ за тѣмъ сообщили перечисленіе сатуръ Варрона, приводя при этомъ болѣе интересные и характерные отрывки; само собою разумѣется, что при этомъ выборѣ мы были вполне субъективны; очень можетъ быть, что нѣкоторые могутъ показаться ничтожными, равно какъ, съ другой стороны, другіе, болѣе интересные—пропущенными; соглашаясь съ этимъ въ частности, все же смѣемъ заявить, что все, самое характеризующее содержаніе сатуръ Варрона, на сколько его можно прослѣдить сквозь массу безсвязныхъ отрывковъ, нами отмѣчено. Считаемъ долгомъ заявить, что при реальныхъ объясненіяхъ большимъ пособіемъ служилъ намъ превосходный комментарий Ризе. Въ заключеніе, два слова о переводахъ. Въ нихъ мы старались

быть какъ можно ближе къ подлиннику, который, представляя не рѣдко весьма запутанныя и своеобразныя выраженія, этимъ самымъ часто вліялъ на переводъ, въ ущербъ его гладкости; посему просимъ извиненія у читателя въ шероховатости нашихъ переводовъ, за вѣрность которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, ручаемся.

ГЛАВА I.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ МАРКА ТЕРЕНЦІЯ ВАРРОНА.

Древность не оставила намъ полной или даже нѣсколько связанной біографіи Варрона. Незначительное число, по большей части, отрывочныхъ фактовъ должны мы почерпнуть частью изъ сочиненій нашего автора, частью изъ случайныхъ упоминовеній позднѣйшихъ писателей. Постараемся сообщить все, что знаемъ о жизни нашего писателя.

Маркъ Теренцій Варронъ происходилъ изъ древняго плебейскаго рода; извѣстный Терентиллъ Арса по всей вѣроятности былъ сородичемъ (gentilis) Варрона, и его плебейское трибунство доказываетъ принадлежность рода Теренціевъ къ плебеямъ. Прозвища Варроновъ получили предки Марка Теренція, по собственному его свидѣтельству ¹⁾, за то, что одинъ изъ нихъ, сражаясь въ Илирикѣ, плѣнилъ и перетаскилъ къ своимъ неприятельскаго воина, именемъ Варрона, и заслужилъ этимъ доблестнымъ подвигомъ прозвище (cognomen) Варрона, перешедшее и на его потомковъ. Относительно этимологіи самого слова Лидъ ²⁾ приводитъ свидѣтельство какого-то Гереннія о томъ, что прозвище Варрона по Кельтски значитъ: мужественный, по Финикійски же обозначаетъ Іудея. Самое имя рода Теренціевъ Варронъ ³⁾ производилъ отъ *terenum*, что на Сабинскомъ нарѣчьи значило: мягкое.

Нашъ писатель ⁴⁾ родился, по свидѣтельству Бл. Иеронима, заимствованному, какъ предполагаютъ ⁵⁾, изъ Светоніева: *liber de philosophis*, въ 638 г. отъ основанія Рима, въ Сабинскомъ мѣстечкѣ Реате (Reate и. Rieti—близъ Foruli), отъ чего и получилъ прозвище Реатинца (Reatinus ⁶⁾), въ отличіе отъ двухъ другихъ Теренціевъ—Комика и Атацинца (Atacinus). Неизвѣст-

но, гдѣ провелъ онъ первые годы молодости; не малое количество воспоминаній о Сабинскомъ бытѣ и языкѣ ⁷⁾ заставляеть, не безъ вѣроятія, предполагать, что вліяніе родины на Варрона сказалось довольно рано, хотя, съ другой стороны, его всестороннее и огромное образование допускаеть предположеніе о томъ, что онъ съ ранней молодости долженъ былъ обучаться въ Римѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что родители Варрона были люди зажиточные, и, изъ свидѣтельствъ какъ его самого, такъ и другихъ писателей, видимъ, что самъ онъ былъ далеко не бѣднымъ человѣкомъ. Такъ одно перечисленіе загородныхъ помѣстій и виллъ Марка Теренція нисколько не позволяеть усумниться въ его богатствѣ; мы знаемъ, что онъ имѣлъ большія пастбища близъ Реаты и въ Апуліи ⁸⁾, кромѣ того, помѣстье близъ Казинума (*fundus Casinas* ⁹⁾, гдѣ онъ устроилъ обширный птичникъ, далеко превзошедшій, по словамъ самого писателя, лучший въ этомъ родѣ образецъ, а именно птичникъ Марка Ленія Страбона, находившійся въ Брундузіумѣ ¹⁰⁾. Далѣе, у Марка Теренція было помѣстье близъ Тускулума, купленное у Марка Пупія Пизона (*Calpurnianus* ¹¹⁾; тамъ кабаны и козы были приучены такъ, что по звуку рожка сбѣгались на кормленіе ¹²⁾. Наконецъ, у него же была дача близъ Кумъ, недалеко отъ помѣстья Цицерона ¹³⁾. Кромѣ того, жена Варрона, Фунданія, также купила себѣ имѣніе въ послѣдніе годы жизни своего мужа ¹⁴⁾. Проводя жизнь большею частью за городомъ, Варронъ не имѣлъ до самаго 709 г. собственнаго дома въ Римѣ; тогда только онъ сталъ подумывать о покупкѣ дома и о перѣздѣ въ Римъ на жительство, что весьма одобрялъ Цицеронъ ¹⁵⁾. На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ о благопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ всю свою жизнь провелъ Варронъ ¹⁶⁾, можно заключить, что онъ еще въ ранней молодости обучался въ Римѣ подъ руководствомъ какого нибудь опытнаго наставника. Такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Въ Римѣ учителемъ Варрона ¹⁷⁾ былъ, между прочими, извѣстный грамматикъ Луцій Элій Стилонъ (*L. Aelius Stilo Praeconinus* ¹⁸⁾, чловѣкъ весьма замѣчательный и своими занятіями имѣвшій громадное вліяніе на молодаго Варрона. Элій Стилонъ внушилъ ему любовь къ разнообразнымъ ученымъ изысканіямъ. Вліяніе его отразилось на всей умственной жизни нашего писателя, изъ чего можно заключить о томъ, какъ крѣпки были нравственныя